

Елена Степанян

Егорушка

Повесть о художниках

Елена Грантовна Степанян

Егорушка. Повесть

о художниках

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63754861

Егорушка. Повесть о художниках: Интермедиатор; Москва; 2024

ISBN 978-5-91349-093-3

Аннотация

Автор, лауреат золотой награды Евразийской премии в номинации «Шедевры драмы» и премии «Terra Incognita» в номинации «Поэзия времен», предлагает читателю новое масштабное поэтическое повествование. Отталкиваясь от жизнеописания замечательного русского художника Алексея Егорова (1776–1851), автор рисует широкую культурно-историческую панораму эпохи от Высокого Возрождения до XX века. Тайны великих художественных произведений, религия и искусство, художник и власть, Россия и Европа, Церковь и масонство, мировые войны и их мотивы, нации и их характеры и многое другое – охват затронутых в произведении тем просто поражает, их авторские интерпретации глубоки, неожиданны, порой небесспорны и всегда увлекательны.

Настоящее электронное издание содержит множество высококачественных иллюстраций, помогающих восприятию основного текста.

Для всех интересующихся культурой и любящих поэзию.

Содержание

Вступление	8
Часть первая	10
Глава I	10
Глава II	22
Часть вторая	44
Глава III	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Елена Грантовна Степанян

Егорушка. Повесть

о художниках

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации.

© «Интермедиатор», электронное издание, 2020.

* * *

А. А. Васильев. Фрагмент картины «Портрет художника
Алексея Егоровича Егорова», 1845 г.

с

Вступление

I

До того мы, Господи, пред Тобою грешны,
Что на белый свет поглядеть стыдно.

До чего же Тебе с нами трудно! –
А ведь вся земная твердь
У Тебя – что порошок.

Не хотим Тебе помочь,
Лишь грехи свои множим...
Закрываем глаза руками,
Чтобы ангелов Твоих не видеть.
Горстка праха в руке
Всех чудес Твоих нам дороже.

Как печально на земле,
И как больно!
Плачут люди день-деньской,
И ангелы плачут с ними.

Кто же плачущих ангелов утешит?

Кто работу им даст

По плечу, по размаху крыльев,
Чтоб они в земной печали не скучали...

II

Снится бабочке, что она –
Седовласый Чжуан-мудрец,
Апельсиновой роще
Снятся приволжские степи...
Смуглоскулые люди гонят стада овец...
На край Вселенной
Ты можешь забросить меня,
И все равно найдешь,
И возвратишь в свои объятия.
Родимый! Кроме Тебя,
Ничего не хочу знать я.
Ты песнь моя,
Нескончаемое изумленье.
Не насытится слышаньем слух,
И глаз не насытится зреньем.

Часть первая

Глава I

Как во дни пугачевского бунта
Захотели калмыки бежать
От недоброй царской власти.
Погрузились в тысячи кибиток,
Устремились на Восток,
В страну, где царит правда.
Ах калмыки! На земле не найти правды.
Нет ее на Востоке
И на Западе тоже нету.

Как на кочках высоких, на ухабах
Задрожала, запрыгала кибитка –
Выпал из нее Егорушка-младенец.
Тотчас ангелы Божии его подхватили,
Чтоб на землю упав,
Егорушка не ушибся,
Чтоб его колеса тяжелые не задели.

Принесли Егорушку ангелы
В улус опустелый,

Нежили его, пели ему колыбельные песни.
Молоком поили,
Кормили медовой кашей.
Слаще ангельской пищи
Только ангельская ласка.

А тем часом прознали власти,
Что калмыки надумали искать правды.
Воспылали на них лютой злобой.
(В царстве лжи самое слово «правда» ненавистно).
Посылали в погоню за ними казаков,

Даже тут налгать изловчились:
– Как бы им, калмыкам,
В тех степях не потеряться.
Да и где же им еще найти счастье,
Ежели не под нашим игом?

...А как только приблизились к шатру казачьи кони,
Перестал Егорушка ангелов видеть.
Испугался он, завопил,
Заплакал горько.
Да и скоро утешился –
Входят в шатер люди,
И глазам не верят:
По всему видать, что давно покинуто становье,
А в шатре сидит

Румяный круглощекий младенец,
И уже не плачет,
А тянет к ним ручонки.

Умилились Егорушке бородатые казаки,
Целовали его, прижимали к сердцу,
Порешили везти в Москву –
В воспитательный дом пристроить.
Там и кормить будут,
И научат, чему надо.

Добрались, наконец, до Москвы,
До Крестьянской заставы,
Сели в трактире, рядят да судят:
– На Москве сиротских домов,
Почитай, с десяток!
Как бы выбрать для него, голубчика, самый лучший,
Где не держат сироток впроголодь,
Не секут слишком больно,
Где не мрут они в грязи
От заразных болезней.

Тут распахивается дверь
И в трактир входит
Батюшка-поп, до того осанистый и важный –
Борода густая, крест на персях сияет.

Все трактирные пришли в великое смущенье.

– Это ж наш отец Михаил, настоятель.
Сроду он в трактир не хаживал.
Вот бутылки с вином отменным
Ко всем праздникам принимались благосклонно.

Говорит отец Михаил:
– Шел я мимо, дети,

Слышу, спор идет горячий,
Как бы не дошло до драки!
И решил стать судьей
В вашем споре.

– Батюшка, тебя нам ангелы послали! –
Закричали обрадованные казаки.
Изложили ему свое дело,
А он отвечает важно:
– На Москве все сиротские дома
Один другого лучше.
Может ли быть иначе под государевым попеченьем?
Да вот только ни один из них не сравнится
С тем, что в нашем приходе,
В десяти шагах отсюда.
Все трудящиеся в нем –
Духовные мои чада.
Будь я сам сиротой –
Не желал бы лучшей заботы.

Взял он Егорушку на руки,

Тот его, как мать родную, обнял –
И отправились в путь. А казаки
Крестятся им вослед
И Бога славят.

А наутро стучит к настоятелю келейник:
– Дожидают тебя, батюшка,
Из воспитательного дома.
Ты им сам, говорят, в этот час
Прийти назначил,

Дабы день избрать
Для крестин подходящий.

– Сам назначил? Какие крестины?
– Обретенного в степях калмыцкого младенца,

Коего накануне ты им лично доставил.
У отца Михаила мороз пошел по коже,

Аж власы на голове зашевелились.

Он же после службы
Не то что не выходил за ограду,
А, напротив, поскорее у себя затворился,
Чтобы всласть побеседовать с заветной бутылью.
Господи Иисусе! Есть на свете бедолаги,
Что гуляют во сне,

Аж по краю крыши ходят.
А проснувшись, начисто ничего не помнят.
Мог и я по грехам своим угодить в их кумпанью!
Но откуда младенец? Да еще калмыцкий?

Как сознаться? Господи! Упаси от позора!
Сжался, смилуйся! Ты ведь все можешь!

Встал он, приосанился,
Кивнул важно.
– Ну, проси гостей!
А сам раскрывает Святцы.
– Что же! Завтра у нас Алексей, человек Божий.
Лучшего имечка и искать не надо.

Те обрадовались:
– Какая удача! Повар наш Егорий Егоров
Восприемником быть хочет.
А по бабушке он как раз Алексеич.

Так Егорушка в первый раз побывал в церкви.
До того ему, голубчику, там хорошо показалось!
А как стал подрастать,
Ума не приложат, что с ним делать –
Не силком же уводить мальчонку из храма.

С той поры, как стал он различать
Между сном и явью,

Ангелы ему только во сне являлись,
Наяву они, само собой, его не покидали,
Но незримо.
Ну а в храме Божьем ангелам куда как привольно.
Заберутся под самый купол
И светят оттуда очами.
А Егорушка стоит внизу
И весь от счастья сияет.
А на Пасху раз –
Пяти годков еще не сровнялось –
Раздобыл уголек
И на стене сарая побеленной
Начертал, да так красиво и ровно:
– Христось Воскресе!

Отвели Егорушку к детишкам постарше,
Стал он с ними учиться и грамоте, и счету.

И однажды, когда все из класса вышли,
Подтащил скамейку под грифельную доску,
Взобрался с ногами,
Схватил кусок мелу
И таких двух ангелов нарисовал,
Словно целый век рисовать учился.

Весь сиротский дом сбежался
Теми ангелами любоваться.
А Егорушка нисколько не гордится,

А смеется и от радости пляшет.
– Ну, голубчик, рисуй себе вволю.
Хоть и дорога бумага, будет тебе и бумага.
А уж мелом – рисуй где тебе угодно.

А в столице уже рескрипт готовят
И во все концы рассылают.
Велено выявлять к рисованью способных
И везти в Петербург в Академию художеств.

Повезло Егорушке –
Попал под рескрипт под свежий.
Свежий-то рескрипт всегда исправно выполняют,
А через год про него и позабыть могут.

.....
.....

До чего же в Академии прекрасно!
Вся она – как сказочный город.
А каким наукам там учат!
Да они лучше любых сказок.

А. Е. Егоров «Автопортрет» (в юношеском возрасте),
1803 г.

Учителя Егорушкой довольны,
Сам все схватывает,
Ничего объяснять не надо.
Только вот француз порой смеется:
– Правильно говоришь, да вот с большим опозданием,
Так, поди, пятьсот лет назад говорили.

Дни идут неспешно,
И каждый новый день сулит радость.
Но подкралась к Егорушке тревога.
Видит он – за окнами все темнее, да темнее.
В темноте встаем,
В темноте гулять выходим,
Солнышко неяркое только взошло –
И уже его нету.
– Что же с нами будет, Илья Матвейч? –
Спрашивает у наставника Егоров.
– Неужели совсем во тьму погрузимся,
Будем жить со свечками да с луною?

– Потерпи, Алешенька, – отвечал наставник –
Вот пройдет столько-то да столько-то денечков,
Свет начнет прибывать,
А потом такие светлые дни настанут,
Что и не увидим, как солнце заходит.

Как обрадовался Егорушка:

– Да это же как в Божьем граде:

И языцы спасены во свете его пойдут,

И нощи не будет ту.

Изумился наставник, сказал учителю Закона Божья:

– Калмычонок-то наш попом родился.

Не пойти ли ему по духовной части?

– Что ты, что ты, Матвеич! –

Замахал тот руками.

– Ты не знаешь, как поповский хлеб горек.

А хороший художник сам себе хозяин.

Он и в церкви сгодится,

И в военном министерстве.

Учится Егорушка, усердствует, рисует.

Гречневую кашу запивает шипучим квасом.

Всех он любит, и все его любят.

И так было бы хорошо,

Когда б не эта птица.

Просыпается Егорушка до того, как зазвонит колокольчик,

А она уже сидит снаружи на оконной раме.

Поскребет по стеклу коготком,

Аж невмоготу от этого звука.

А потом не то запоеет, не то застонет,

Ну до того тоскливо!

А порой они вдвоем приходят
Та, другая, не поет, не плачет,
Втянет голову, вся сожмется
И дрожит печальным комочком.

– Как же им помочь? Чем же их утешить? –
Думает Егорушка и наконец догадался.

Встал он тихонько, чтоб не разбудить других ребяташек,
Подошел к окну и сказал птицам:
– Страшно вам, что день ото дня все темнее?
А вы не плачьте, вы терпенья наберитесь.
Скоро станет светлеть,
А потом придет день – такой прекрасный!
Все будут петь от радости,
А ночи совсем не будет.

Глава II

Ночь в Петербурге.
Кому снятся сны, а кто спит без снов.
Кто уснуть мечтает,
Кто Вольтера листает,
А в Михайловском замке
Императора убивают.

Сбрасывает Егорушка одеяло,
Расправляет богатырские плечи,
В Академию пора,
Других учить рисованью.
Самому заодно учиться.
– Далеко до смерти, –
Усмехается Алексей Егорович –
Многому еще успеем научиться.

Пришел – а вся Академия ходуном ходит.
– Занятий не будет.

Михайловский замок. Макет-реконструкция, созданный в архитектурной мастерской О. С. Романова, 1997 г.

е

В церковь, скорее в церковь!
Государь этой ночью скончался.

– Господи! Отмучился наконец и всех отмучил.
А вторая мысль о себе:
– Ну теперь уж точно в Италию вожденную поеду.

А в церкви народу!
Напирают сзади,
Притиснули Егорушку к колонне.

Вполоборота он на всех смотрит.
Боже Святый! Что же у них на лицах!
Ни вымученной скорби,

Ни радости плохо скрываемой.
Переглядываются и сразу глаза в пол опускают.
Священников не видят и не слышат,
Перекреститься вовремя не могут.
Ну, все понятно. И всем все понятно.

Но сколько сегодня народу набежало,
Будто назло.
Вон Рокотов стоит.
Сто лет его тут не видели, да еще в такую рань.
Скрючился весь, на лице гримаса.
Могли бы и привыкнуть, Федор Степанович.
Не первое на вашем веку царубийство.

А в дверях Ванюха Терепенёв,
Ученик Егорушкин и приятель.
Двадцати лет еще не сровнялось якобинцу.
На роже большими буквами «Долой тиранов».
Эх, Терепень!
Твоего Людовика судили принародно
И по приговору суда казнили,
А жена и дети убийц не покрывали,
Не говорили, что сам собой умер.
Господи! Ну а вдруг все это правда?
Умирают же люди своей смертью.

Мы были бы счастливы.
Все говорят – Александр добрый.

Голос дьякона под купол уходит.
Никогда я не могу следить за службой.
Всё куда-то мысли уплывают.
Ну их, мысли. Душа сама по себе
Молится и днем, и ночью.
Небо и небо небес Тебя не вмещают,
Тем менее храм сей.
Мартос говорит, что Микеланджело
Ночами в саду молился.
Кто-то ему рассказывал в Риме.

Но я не вижу Мартоса...
А-а, он совсем рядом.
И слезы текут по щекам.
Хоть один тут плачет.
Покойный надавал ему заказов,
Можно сказать, богатым сделал.
Кого же как не его?
У Мартоса своих детей косой десяток,
Да еще полон дом сирот и бобылей убогих.

Но Павел, безумец несчастный!
Да с ним никакой сирота не сравнится.
Жить, зная, что мать отца убила
И тебе ежечасно желает смерти.
Вот и «чти отца и мать»...

А по углам шепчут,
Что он не сын Петра вовсе,
А незнамо чей.

Кто же ты есть, если целая заповедь
Не про тебя писана?
Отверженный Богом?
Как тут не впасть в безумие!

А. Г. Варнек «Портрет скульптора Ивана Петровича Мартоса», 1819 г.

Егорушка взглянул направо и ахнул –
Андрей Воронихин!
Но его же тут не было,
С полминуты назад на этом месте
Стоял какой-то седоволосый барин.
Но это же он, его ни с кем нельзя спутать.
Егоров с ним не знаком,
На выставках только видел,
Царственной его красотой любовался.
Но откуда же взялся?
Ах, не все ли равно!
Господи, как его люблю,
Он Твое чудо.

Крепостным родился, в рабских цепях
Двадцать шесть лет жил,
Художник и зодчий,
Ромм-вольтерьянец потребовал ему свободы,
Стыдно стало хозяину перед Вольтером.

У Егорушки слезы брызнули из глаз.
Мартос увидал и пуще заплакал.
А на улице пожал ему руку, обнял.
– Ты на очереди в Италию, Алексей,
Ты заходи ко мне почаще,
Я тебе их обычаи растолкую,
Поучу итальянскому.
Красивый язык и легкий.

Я чуть не с первого дня все понимал,
Через месяц болтал свободно.

– Егоров, ты с нами?

Императора помянем, закусим.

– Нет, я домой, я к вам подойду попозже.

У прохожих на лицах такая радость!

Солнце сияет, весна началась в одночасье.

Апостол сказал, что нет власти не от Бога.

Дьявол говорит – «все царства отданы в мою руку».

Смилуйся, Господи, над несчастным отцеубийцей!

Не взыщи с нас, грешных, невольного соучастия.

Двое слуг у Егорушки.

Одного за глаза бы хватило.

Да куда девать дурака-француза?

Прежний хозяин подобрал его в Лионе,

Довез до Петербурга

И за никчемностью выгнал.

А что тут скажешь?

Спать Филипп умеет несравненно.

А когда не спит, то без умолку болтает.

Хорошо еще – гулять выходит.

– Какой прекрасный город, месье,
Какие дворцы, какие проспекты!
Мне есть с чем сравнить,
Я бывал в Париже.
И люди здесь так добры,

Так подают щедро.
А услышат французскую речь,
Так еще дадут вдвое.
Вот, правда, свой брат нищий
Не всегда такой добрый,
И отнять могут, и побить,
Да еще попрекнут дармовым русским хлебом.

Но как мы с вами, месье,
Теперь живем прекрасно,
За квартиру не платим,
Дрова и свечи подвозят.
Правильно я говорю по-русски?
Живем, как у Христа за пазухой.
Только Тихон вот совсем не так доволен,
Даже если заставишь Филиппку
Что-нибудь поделывать,
Все равно переделывать придется.

– И долго вы будете терпеть это, барин?
– Тихон, у тебя откуда зипун зеленый?
– Я же сказывал вам, Алексей Егорович,

Он дядь-Гришин,
Тетки моей, тетя-Маши, мужа.
Сделался ему тесен, так мне отдали.

– Ну вот видишь, Тихон, а у Филиппа
Нет никакой тетки,
Теткину мужу, стало быть, неоткуда взяться.

.....
.....

– Жить можно только в России, – приговаривает
Мартос, –
Ты, Алешенька, такой рисовальщик!
Подучиться немного – тебе равных не будет.
Там сейчас художники не те, что прежде.
Подлинно велик один Антонио Канова.

А. Канова «Три грации», 1813–1816 гг.

с

Наверняка тебя станут соблазнять у них остаться.
Меня, грешного, и того соблазнили.

Италия – рай земной.

И музей самый лучший в мире.
И народ веселый и добрый.
Я вообще, как приехал, будто на родине оказался.
По сей день, когда работаю – думаю по-итальянски.
А жить бы там не смог,
И ты не сможешь.
Почему – не смогу объяснить.
Как-то скучно там, тесно что ли.
У нас Москва-Петербург в одно слово произносят,
Ездят туда-сюда, как в соседние села.
А между ними столько верст!
Пол-Италии вместится – еще останется.
И вот что для меня непостижимо:
Едешь здесь – вроде бы недалеко,
Едешь там – совсем не так уж близко.

Хорошо тому, чья родня –
Несчетные ангелы Божьи.
Но и дядь-Гриша с тетя-Машей
Ангелам чем-то сродни.
Открывают кухмистерскую,
Тихо нас к себе забирают.
А вот месье Филипп вскорости получит возможность
Оценить по достоинству развалины Колизея.
Не бросать же его, мерзавца,
С голоду подохнет.
А там, глядишь, не объест. Говорит же Мартос –
Если вдруг ограбят или что еще случится,

Виноградные косточки, апельсинные корки
Тоже пища, и весьма полезна для здоровья.

Ну а сам-то он, Мартос, свою ораву
Не косточками кормит.
Все такие веселые, гладкие,
И денег ему хватает.
И места им всем хватает.
Вот она разгадка тайны пространства –
Не трехэтажная профессорская квартира их вмещает,
А душа твоя необъятная, Мартос.

...Видит Егорушка в одном из Мартосовых окон
Детское личико, устремленное в белесое небо.
Волосы стянуты, не поймешь, девочка ли, мальчик,
Из детей ли Петровича, из сирот ли пригретых...
Но как же смотрит, как смотрит!
Ангелов видит.

Мартос его в мастерской принимает,
Потчует квасом.
– Там этой роскоши не знают,
Зато вино у них дешевле кваса.

Уходя, вспоминает Егоров про дитя в окошке.
Поднимает голову – никого там, конечно, нету.
И тут раздается сердитый голос няньки:

– Да отойдешь ты от окна?! Спать пора ложиться.

.....
.....

– Всё вычисляешь, астролог-недоучка?
Ты бы еще погадал на кофейной гуще.

– Поколотил бы я тебя, Егоров,
Кабы не знал,
Что это бесполезно.

– Я, Терebень, людей не бью.
Я их обнимаю крепко-крепко.
Кто сумеет вырваться, пушай меня сам колотит.
– Ладно, Геркулес Васильеостровский.
Ты посмотри, что у меня выходит.
Петра III в шестьдесят втором убили,
Ивана Антоновича в шестьдесят четвертом.
Лет ему было двадцать четыре с половиной,
Из них двадцать три он провел в заточенье.

– Что ты городишь, Ваня,
В каком заточенье?
Какой Иван Антонович? Откуда взялся?

– Российский император, mon cher,
Коронован младенцем.
Анне Иоанновне внучатый племянник.

- Почему я никогда о нем не слышал?
- Потому что римскую историю, Алеша,

Мы постигаем по книгам,
А российскую, увы, пока еще
По темным слухам.
Вот сегодня этот слух и до тебя докатился.

Что? *Не всякому слуху верьте?*
А вот полюбуйся – доказательство.

Рубль с изображением Иоанна Антоновича, 1741 г.

9

Серебряный полтинник –
На, держи! На зуб попробуй.
Дедушка мой сберег на память.
Можно сказать, проявил геройство.

Все рубли-полтинники сорок первого года
Было велено сдать на переплавку.
За хранение – пытка и вечная ссылка.
Упомянуть его запрещалось,
Все документы уничтожили, понятное дело,

Самому Времени наша власть хребет переломила.
Вслед за сороковым годом сорок второй начинался.

Смотрит Егорушка на монету –
Всё честь по чести: Иоанн III,
Божьей Милостью Импер. и Самод. Всерос.
Из-под венца – пухлая детская щечка,
В ручонке скипетр.
Всё же чеканка плохая.
Единица еще читается, семерка совсем провалилась,
И только сорок первый год выбит четко и весь сияет.

– Тринадцать месяцев процарствовал.
Тринадцать месяцев попы что есть мочи
Пели ему «Многая лета».
И соделалось по их молитве,
В каменном мешке день покажется годом.
Я как-то посчитал, сколько дней он там пробыл.
– В каменном мешке?..
– Да еще в каком! Представить страшно.
Там не то что во весь рост ни встать ни лечь,
Там сесть нельзя было.
На коленях стоял.

Чьи грехи замаливал – неизвестно.

– Но он должен был расти...

– Да нет,

В Шлиссельбург его только шестнадцать лет заточили,

А до того таскали с места на место

Где-то по Архангельской губернии.

– Ты сказал, что его убили...

– Ну конечно! Мы же не в какой-нибудь Европе,

Русские помазанники до того живучи!

Потому-то их всякий раз и убивают.

Послан был к Ивану Антоновичу ангел смерти,

В чине подпоручика по фамилии Мирович.

Размечтался он освободить беднягу,

Ну и стража прикончила обоих.

Тут перестал Терebenёв острить, посерьезнел,

Погрустнел даже.

– Дед мой, Ефим Иванович, мудрый был старик,

Он говорил, что если бы гренадеры

Не возвели тогда Елизавету,

Не разогнали бы курляндскую свору,

То Москва, конечно бы, уцелела,

А на месте Питера было бы опять болото.

Я и сам это прекрасно понимаю,

Но когда первый раз узнал в детстве,
Сам не свой ходил.
Все мне слышалось, как он плачет,
Как он бьется о каменные стены.
Ну а потом привык. Таков наш разум,
Он к чему угодно привыкает.
Ты взглянул бы лучше на мои расчеты.
Мартовские иды...
– Другой раз, Иван,
Отпусти душу на покаяние.
Хватит с меня сорок первого года.

Был человек слепой от рожденья.
И ученики Спасителя спросили:

– Рабби, чей грех человек сей несет?
Свой или родивших его?

– Не ваше это дело, – отвечал Христос.
И даровал тому человеку зренья.
А царю Иоанну была дарована смерть
Как высшая милость, от мук избавленье.

И мы все слепыми приходим в этот мир,
И бредем во тьме,
И как высшая милость
В конце дороги нам даруется смерть,
Чтобы душа о стенки тела не билась.

Жалко ему Ивана Антоновича?
Сердце молчит.
А голова кипит, сейчас разорвется.

Есть в целом мире один лишь человек,
Кого он ни разу жалости не удостоил.
Имя ему Алексей Егоров.
Океан страданий раскинулся вокруг,
И он по волнам его проходит,
Как по твердой суше.
Но если ближнего любишь,
То его страданьем страдай,
И за грехи его со стыда сгорай,
И кто же здесь ближний, кто дальний?
– Вот он приблизился, этот Иван,
Умерший полвека назад,
И еще мириады из тьмы времен на меня глядят.

Ангелы Божии к Егорушке спустились,
Дохнули на него любовью,
Отерли слезы.
А потом опять поднялись,
И так расцветили небо.
Залюбовался Егорушка закатом.

.....
.....

– Едем! Едем! –

Он готов расцеловать Карту.

Жаль, что нету Глобуса,

Он прижал бы его к сердцу.

Морем в Германию, из Гамбурга в Дрезден.

Из Дрездена до Вены.

Дрезден и Вена!

Там столько всего собрано!

От одного перечисления дух захватывает.

А от Вены рукой подать до Милана.

Медиолана, – с наслаждением выговаривает Мартос,

И также он всегда произносит *Амброджотто*.

Тихон старательно укладывает вещи.

– Да ну их, вещи! Там тепло, как в раю,

Налегке поедем.

Вот он, жилой корпус Академии художеств.

Тот же ребенок в окне. Как он вытянулся за год.

Никакой это не мальчик,

Это Вера, одна из младших Мартосовых дочек.

Егорушка взбежал по лестнице,

Подошел к ней, показал глазами на небо

И спросил с пониманием: – Есть там что-то, Верочка?

Девочка огляделась – не слышит ли кто –

И в тон ему отвечала:

– Конечно есть, Алексей Егорович,
Потому и хочется смотреть,
А как сказать – не знаю.
Тут Мартос и жена его появились шумно,
Поздравляют Егорушку, обнимают.
– Мы, Алешенька, гостей на завтра созываем
На торжественный обед в честь твоего отъезда.

А дома сияющий Тихон встречает его на пороге.
– Барин! Барин! Такая радость!
Филиппка с Вами не поедет.
Берет его за себя старая девка с деньгами.
Это все тётъ-Маша устроила, дай ей Бог здоровья!
Рябовата невеста, зато из благородных,
И сама так довольна –
Ведь не за прислугу выходит.
Как же! «Месье Филипп бежал от ужасов революции».

Ох какая обуза с плеч свалилась!
Счастье тебе, Филиппка!
У Христа за пазухой места много.

Часть вторая

Глава III

В десятый, двадцатый, тысячный раз
Рассматривает Егорушка «Афинскую школу».
Закроет глаза – и она перед ним.
Сядет где-нибудь, глаз не закрывая,
И разглядывает каждую фигуру, каждый штрих.
Хочет понять, что она ему говорит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.